

А.Б. Ларин

**«КАМЕШЕК ЗА КАМЕШКОМ СОЗДАЕТ НА ДАЛЕКОМ ГЮРГЕНЕ НОВУЮ РОССИЮ»:
СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КРЕСТЬЯНИНА – ПЕРЕСЕЛЕНЦА В ИРАН
В РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ ЧИНОВНИКОВ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются репрезентации русских крестьян – переселенцев в Астрабадскую провинцию Ирана в нарративах чиновников Министерства земледелия. Начавшийся накануне Первой мировой войны 1914–1918 гг. процесс земледельческой колонизации приграничной иранской провинции привлек серьезное внимание государства в лице его представителей в регионе и в столице. Возникшие внутри- и межведомственные дискуссии, а также выработка политической линии в связи с этим породили значительное число документов, как опубликованных, так и нет. Особую роль в происходивших процессах обсуждения и проведения в жизнь принятых решений естественным образом играли чиновники Переселенческого управления. В своих текстах, в том числе напечатанных, они уделяли существенное внимание непосредственно крестьянам-переселенцам, причем помимо данных статистического характера, давали и более общие характеристики колонистам. Эти последние – включающие нарративы о причинах и мотивах переселения, приписываемые «русскому переселенцу» психологические качества – должны были служить делу обоснования и легитимизации активизации российской политики в регионе. Показано, что хотя отдельные характеристики такого рода зачастую слабо согласовывались с реальными фактами жизни, в том числе хорошо знакомыми самим этим чиновникам – авторам нарративов, они, во-первых, не рассматривались как серьезная непреодолимая проблема, а во-вторых, – хорошо вписывались в более широкий позднеимперский дискурс описания процесса освоения окраин колонистами. И в этом смысле данные репрезентации русских крестьян-переселенцев могли успешно выполнять роль выстраивания целостной картины, имевшей в том числе вполне инструментальное применение.

Ключевые слова: Переселенческое управление; переселенцы; Б.В. Бессонов; Г.Ф. Чиркин; А.М. Сахаров; Российская империя; Астрабадская провинция; Иран.

Ларин Андрей Борисович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Новой и Новейшей истории Института всеобщей истории РАН. Россия, Москва.

E-mail: ab-larin@mail.ru

Web of Science Researcher ID: Q-5730–2017

Larin A.B.

“Stone by stone, a new Russia is rising on distant Gürgen”: the social anthropology of a peasant migrants to Iran in the representations of officials of the Resettlement Department of the Russian Empire

Abstract. *The article examines the representations of Russian peasants who migrated to the Astarabad province of Iran in the narratives of officials of the Ministry of Agriculture. The process of agricultural colonization of the border province of Iran, which began on the eve of the Great War, attracted serious attention from the state, including its representatives in the region and the authorities in the capital. The ongoing internal and interdepartmental discussion of the issue, the development of a political line in this regard, etc., generated a significant number of documents, both published and unpublished. Officials of the Resettlement Department naturally played a particularly important role in the ongoing processes of discussing and implementing the decisions taken. In their texts, including printed ones, they paid significant attention directly to displaced peasants and, in addition to statistical data, also provided more general characteristics of the colonists. The latter – including narratives about the causes and motives of resettlement, psychological qualities attributed to the “Russian settler,” etc. – were intended to serve as a justification and legitimization of the intensification of Russian policy in the region. It is shown that although certain characteristics of this kind were often poorly consistent with the real facts of life, including those well known to these officials themselves, first, this was never considered a serious or insurmountable problem; and second, these characteristics fit well into the broader late imperial discourse describing the process of colonization of the periphery. In this sense, these representations of Russian settlers could successfully serve the role of constructing a holistic picture that had a distinctly instrumental function.*

Keywords: *Resettlement Department; settlers; B.V. Bessonov; G.F. Chirkin; A.M. Sakharov; Russian Empire; Astarabad province; Iran.*

Larin Andrey Borisovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow of Department of Modern and Contemporary History of Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.

E-mail: ab-larin@mail.ru

Web of Science Researcher ID: Q-5730–2017

Введение

Вопрос крестьянского переселенчества в Прикаспийские провинции Ирана Каджаров (Персии) – малоизученная и перспективная тема для исследований (см., например: [Гинзбург 1965; Канода 1973; Ларин 2021]). Этот феномен, возникший незадолго до начала Первой мировой войны 1914–1918 гг., позволяет лучше понять особенности не только внешней, но и внутренней политики Российской империи и демонстрирует невозможность отчетливо разграничить данные направления государственной работы. Напротив, здесь в полной мере проявилось принципиальное единство имперской политики в области фрон-

тира, неустоявшейся границы соседних стран. Участвовавшие в обсуждении вопроса структуры – преимущественно Главное управление землеустройства и земледелия (с 1915 г. Министерство земледелия), Министерство иностранных дел и власти Туркестанского края – находились в постоянном и тесном взаимодействии друг с другом, принципиальные решения принимались указанными органами в результате межведомственного обсуждения.

Главную роль в реализации переселенческой политики «на земле» (после того как в начале 1914 г. вопрос об активизации действий на иранском направлении был решен в ходе межведомственного совещания), организации помощи и содействия крестьянам, составлении планов работ и их реализации, проведении разного рода исследований принадлежала Переселенческому управлению Главного управления землеустройства и земледелия (с 1915 г. Министерства земледелия). Чиновники ведомства подготовили много материалов, в которых представлены обширные сведения о физико-географических, этно-социальных, хозяйственно-экономических характеристиках Астрабадской провинции, особенностях местной правовой системы, государственного управления. Разумеется, серьезное внимание уделялось характеристикам русских крестьян-переселенцев. Последние рассматривались в качестве ключевых «агентов» проводимой государством политики, направленной на интеграцию региона в состав Российской империи, «культурное завоевание» провинции.

Проблематика российской переселенческой политики как политики интеграционной, направленной на «обрусение», т.е. более тесную интеграцию окраинных регионов Российской империи в общее социально-политическое, экономическое и культурное пространство страны, давно и плодотворно изучается (см., например: [Ремнев, Суворова 2008]). Особое внимание естественным образом отводится крестьянам (и казакам) – колонистам, поскольку они, рассматриваясь в качестве «агентов» этого процесса, во многом должны были осуществлять «цивилизаторскую миссию» (о цивилизаторской миссии см., например: [Мирзеханов 2015]): «Русские на азиатских окраинах были призваны не только закрепить за Россией новые земли, но и продемонстрировать местному населению превосходство русского земледелия и оседлого образа жизни, выступить в роли демократического культуртрегера» [Ремнев, Суворова 2008, с. 158]. В этом смысле нельзя не отметить известного противоречия между качествами, которые требовались от этих «агентов цивилизации» и теми реальными характеристиками, которые были присущи переселенцам [там же, с. 157–170].

Вышесказанное вполне справедливо и применимо к процессам, имевшим место в Астрабадской провинции Ирана накануне и в годы Первой мировой войны. Специфика иранского переселения прежде всего состояла в принадлежности упомянутой провинции иному государству, что неизбежно усложняло ситуацию. Представляется перспективным исследовать «воображение»

чиновников Переселенческого управления в отношении крестьян – переселенцев в иранскую провинцию, проанализировать приписываемые колонистам качества, соотнести их с реальными социально-экономическими и прочими характеристиками поселенцев, увидеть преломление известной фактографии в формирующемся общем дискурсе. Материалом послужат прежде всего опубликованные материалы – в них идейно обусловленные позиции проявлены наиболее ярко.

Российские чиновники, занимавшиеся обустройством крестьян в Астрабадской провинции в 1914 – начале 1917 г., решали вполне практические задачи, связанные с удовлетворением текущих нужд колонистов, а также ориентированные на обеспечение дальнейших перспектив освоения региона. При этом в подготовленных ими работах они представили целостную картину жизни Прикаспийских провинций, включавшую многообразные сведения. Эти публикации среди прочего были призваны продемонстрировать значительные богатства края, большие перспективы его освоения, а значит – необходимость продолжать активную деятельность в данном направлении [Ларин 2021]. Серьезное внимание уделялось также колонистам и состоянию их хозяйства.

Мотивы переселения: «стихийное движение» или прагматический интерес?

Неизбежно вставал естественный вопрос о побудительных мотивах переселения. Исследователями отмечалось, что представление о том, что русский крестьянин – колонист по природе, склонный к стихийному движению на окраины для их дальнейшего освоения, причем зачастую даже вопреки воле государства, было широко распространено среди российских историков, географов, этнографов, экономистов [Ремнев, Суворова 2008, с. 133]. Подобный взгляд транслировали и работавшие в Иране российские чиновники. Помимо сугубо прагматических мотивов подчеркивались какие-то особые, будто бы свойственные русским крестьянам, иррациональные побуждения, толкавшие их на движение в чужой незнакомый край. Этот «колониционный инстинкт» некоторым образом преодолевал личный практический интерес, довлел над крестьянином, превращая из конкретной индивидуальности в носителя более широкой миссии.

Заведующий Сыр-Дарьинским переселенческим районом А.М. Сахаров, игравший важную роль в организации работы в регионе в рассматриваемый период, уделил существенное внимание психологии переселенцев. Как он полагал, колониционный процесс в Иране служил «блестящим опровержением» мнения, что «русский крестьянин не самостоятелен и лишен инициативы» [Сахаров 1915, с. 39, 38]. Напротив, без какого-либо влияния «администрации переселенец, повинаясь здоровому инстинкту борьбы за жизнь,

смело устремился в чужую... страну», где «вдали от родины, с ничтожными средствами в незнакомых условиях... упористо бревнышко по бревнышку, камешек за камешком создает на далеком Гюргене новую Россию. Стихийным народным чутьем он как-будто на деле исправил границу, так неудачно размежевавшую нас с Персией...» [Сахаров 1915, с. 39]. Российский чиновник отмечал: «Основная черта переселенческого движения в Персию – именно его стихийность. Когда расспрашиваешь отдельных переселенцев о причинах, заставивших их бросить насиженные места, всегда остается впечатление, что приводимые ими доводы не есть все, даже не есть самое главное, что это главное заключается в каких-то невидимых для нашего слишком материального разума психологических импульсах», переселенцы «говорят о выпаванности земли, о холодах на старом месте, хотя эти земли и климат не помешали им создать сравнительно устойчивое хозяйство. Какое-то смутное расовое стремление перехитрило их маленькую индивидуальную хитрость и заставило бросить все и на далекой чужбине с риском и лишениями создавать себе новый очаг» [там же].

А.М. Сахаров приводил характерный эпизод, произошедший в Астрабадской провинции в Крещенском поселке после посещения комиссара, когда его жители были взволнованы по поводу земельного вопроса: «Один крестьянин особенно громко кричал:

«Какая нелегкая занесла меня сюда. Жил-бы в своем Семиречьи, – так нет, надо было за две слишком тысячи верст гнать, чтобы все зажитки ухлопать и без земли очутиться»...

А вечером, он, смотря на Эльборуский хребет, таинственно серебрившийся под косыми лучами заходящего солнца, уже говорил:

«Я так мекаю, русский в этой долине не усидит, обязательно за горы двинет. Сначала этак пасечку в щелке устроит, потом около нее посеет, садик посадит, там подальше арендует, а то и купит. Глядишь разведает и за горы высыплет»...

– Вот тебе и раз – говорят ему; да сегодня-ж ты кричал, что все назад вернетесь.

«Это я только так, к примеру... От судьбы не уйдешь. Она ведет мужика... Только бы вот как-нибудь, уцепиться. Самый-бы махонький корешок пустить, а потом нас плугом не выроешь»...» [там же, с. 39–40].

Начальник Переселенческого управления Г.Ф. Чиркин, пересказывая данный эпизод в своей «Отчетной записке» (очевидно, он заимствовал данный пассаж), подытоживал: «В этих словах выражается истинная душа русского хлебороба в ее непрестанном и необъятном стремлении то к “Синему морю”, то на “Мамур-реку”, то на “зеленый клин”. Это *стихийное движение русского народа* (курсив наш. – А. Л.) и создало нам всю Азиатскую Русь и, в частности, “новую Россию” в таких закоулках последней, где, казалось бы, колони-

зационная деятельность любого правительства встретила бы совершенно непреодолимые препятствия» [Чиркин 1916, с. 23; ср.: Вошинин 1915, с. 15–16]. В ответах крестьян о причинах «искать счастья в Персидских степях среди вечных грабежей и столкновений туркмен с персами» Г.Ф. Чиркин видел глубокий смысл; как он писал, от этих ответов *«веет как то стихийностью»* (курсив наш. – А. Л.) и верой в творчество (разрядка в публикации. – А. Л.) русского народного духа» [Чиркин 1916, с. 22].

Один из работавших непосредственно «на земле» чиновник Переселенческого управления Б.В. Бессонов в своей работе по материалам поездки – надо сказать, более трезвой в отношении перспектив, по сравнению с другими текстами – в заключении вновь повторял устоявшийся набор тезисов. Он писал, что хотя на тот момент переселенцев было еще немного и они представляли собой лишь «жалкие и разрозненные кучки пионеров освоения персидских земель русским народом», однако необходимо «предвидеть, что исконное стремление» последнего – «колонизовать прилегающие к его территории пространства – и тут не отступит от обычного своего течения и заставит русский народ направить сюда новые кадры засельщиков, которые все крепче и все глубже будут занимать те земли, куда их направил здоровый инстинкт, пока не создастся здесь такая же окраина Руси, каких уже много образовалось таким же путем на протяжении ее многовековой жизни» [Бессонов 1915, с. 87].

Итак, «стихийное движение русского народа», руководимого «здоровым инстинктом», неким «смутным расовым стремлением», выступает в соответствующих текстах в качестве ключевого побудительного мотива, руководившего русскими переселенцами, подталкивавшего их к отказу от старой жизни (будь то в губерниях Европейской России или в Туркестане) и поиску новой жизни в незнакомых землях Северного Ирана. Сложно сказать, насколько серьезно воспринималась данная объяснительная схема самими авторами приводимых цитат, а насколько была своего рода данью эпохе, отвечая духу времени. «Долгий XIX век», помимо прочего, был временем широкого распространения расовых теорий, представлений о существовании устойчивых психологических свойств и характеристик народов и рас. Это была эпоха появления наиболее известных и популярных трудов в данной области, например, работ Ж.А. де Гобино и Г. Лебона. Дух времени должен был влиять и на бюрократический дискурс.

Примордиалистское восприятие русского народа, его жизни и истории порождало особое, литературно-поэтическое преломление и отображение происходивших социально-экономических, демографических процессов. Многократно упоминавшаяся «стихийность» переселенческого движения вызывала мысли о естественно-натуральном его характере. В этом смысле оно и должно было восприниматься как явление природы. Это подразуме-

вало фатальность, неизбежность происходившего, что также должно было служить и средством его легитимации – стоит помнить, что колонизация шла на территории иного государства на довольно сомнительных правовых основаниях [Ларин 2024b]. Пожалуй, наиболее ярко и образно данные коннотации проявились именно в заключении к работе Б.В. Бессонова – как уже было сказано, в других отношениях весьма обстоятельной, конкретной и серьезной. Однако в ее финале автор (занимавшийся на досуге живописью) позволил себе художественную образность изложения: «Как море во время прилива, начав свое неотвратимое и неизбежное наступление на берег, посылает на него сначала только первые отдельные волны, отбегающие сейчас же обратно, оставив на нем куски своей пены, – так и русское переселение, направившееся ныне стихийно и неотразимо в Персию, послало на нее пока только первую свою приливную волну. Тот русский элемент, который осел одинаково и в бесплодных степях и на богатейших землях северной Персии, есть именно остаток этой первой волны, отхлынувшей с тем, чтобы новые волны с новой силой, медленно, но верно захватывали береговую полосу все более и более, пока не покроют ее совсем» [Бессонов 1915, с. 88].

Таким образом, колонизационное движение на юг приобретало провиденциальный характер, а идеологемы «стихийности», «инстинктивности», «естественности» русского переселенчества становились нормативными, в том числе и применительно к иранскому направлению.

Насколько эти поэтические интеллектуальные спекуляции соотносились с реальной жизнью крестьян? Традиционная объяснительная схема была удобна во многих отношениях, однако что думали колонисты, в том числе потенциальные, на этот счет? По вполне очевидным причинам источников, непосредственно созданных переселенцами, немного. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении письма и обращения крестьян позволяют сделать некоторые выводы. Так, сохранившиеся обращения крестьян разных губерний в государственные органы в связи с возможностью освоения Астрабадской провинции показывают, что всплеск интереса потенциальных колонистов к региону в 1913 – начале 1914 г. вполне объясним. Как писал в отчете за 1913 г. пограничный комиссар генерал-майор К.В. Лавров, «вся Астрабадская провинция ожила. Всех охватил ажиотаж» [Русское землевладение в Гюргено-Астрабадском районе, л. 121]. Он разъяснял: «Привлеченные слухами о богатстве этого края, удачном опыте первых русских пионеров, а также главным образом не отвечающей действительности заметкой “Туркестанских ведомостей”, перепечатанной “Русским Словом” и другими почти всеми провинциальными газетами о сказочном богатстве этого края, где, якобы, по всей территории разбросаны лимонные и апельсиновые рощи, где земля так сказочно дешева, что рубль считается хорошей ценой за десятину, в край хлынула толпа переселенцев, бросивших насиженные места в Ферганской, Семиреченской и За-

каспийской областях и решивших попытать счастье в новых краях» [Русское землевладение в Гюргено-Астрабадском районе, л. 121–121 об.].

По свидетельству генерала, далее события разворачивались во всё большем масштабе и приобрели трагикомический характер: “За этими областями зашевелилась вся Россия. Пошли со всех ее обширных концов. Доверчивость русских людей доходит до курьезов. Читатели газет завалили письмами, прошениями, заявлениями и телеграммами. “У меня есть 500 рублей, сохраните для меня 500 десятин”. “Оставьте для меня 25 десятин” и т. п. Посыпались предложения своих услуг от инженеров, акушеров, врачей, учителей. Мое положение с каждым днем становилось затруднительнее. Большинство поселенцев приходят без гроша денег. Свободных земель в буквальном значении этого слова нет (фраза подчеркнута в документе. – *А. Л.*). Земли принадлежат либо туркменам, либо персам» [там же, л. 121 об.]. Комиссару пришлось заняться обустройством переселенцев, заключать договоры с фактическими владельцами земель об аренде и т. п. Однако он подчеркивал значительную неопределенность их положения [там же].

Слова К. В. Лаврова подтверждаются поступавшей от крестьян корреспонденцией. Еще 24 декабря 1913 г. от крестьянина А. Базикова (судя по обратному адресу, жителя Области Войска Донского) пришло письмо на имя русского консула в Табризе. В нем сообщалось, что в газете «Русское Слово» они (очевидно, группа крестьян, от лица которых обращался Базилов. – *А. Л.*) прочли о возможности приобрести в Иране землю «в вечное пользование от 1 до 2 рублей за десятину» [там же, л. 33]. В связи с этим он просил разъяснить ряд вопросов: «... в какой именно части продаются эти земли, цена им, и годная ли эта земля для посева или скотоводства, можно ли завести сады на этих землях и главное будем ли мы находиться под защитой и охраной наших Российских законов переселясь на купленные в Персии земли; и будут ли земли эти считаться площадью нашего Государства, или же нет; и возможно ли покупку земли совершать при посредстве Банка, т. е. будет ли какой либо русский банк выдавать ссуду под эту землю. А также покорнейше просим дать маршрут для поездки и осмотра вышесказанных земель» [там же].

Письма о желании приобрести земли в Северном Иране поступали и в Министерство иностранных дел напрямую (см., например: [там же, л. 26–26 об.], см. черновик ответа из министерства: [там же, л. 81–81 об.]). Стоит сказать, что этот ажиотаж охватил не только крестьян – многие предприниматели также заинтересовались темой, причем поднимаемые ими вопросы во многом соотносятся с теми, что задавали крестьяне [Никулин 1914, л. 76–76 об.]. Подобного рода обращения поступали и позднее, уже во время войны [РГИА, л. 72–74]. Даже летом 1917 г., когда судьба русских поселков в Астрабадской провинции была крайне туманной, находились желающие переехать туда [Астрабад, л. 346–346 об.]

Из данных документов хорошо видно, чем был вызван рост ажиотажа в отношении переселения в Иран. Среди упомянутых мотивов фигурировали почерпнутые из газетных заметок и слухов представления о богатстве края, плодородии и чрезвычайной дешевизне земли; плохие природные условия на прежнем месте жительства (стихийные бедствия, недороды, уничтожения посевов вредителями и т. п.); малоземелье. Конечно, характер подобных обращений не предполагал артикуляцию глубинно-психологических мотивов, которыми могли бы руководствоваться люди в своем стремлении к переселению и которые стали обязательным элементом интеллектуальных спекуляций чиновников. Но задаваемые вопросы – конкретные, порожденные прагматикой жизни, позволяют предположить, что ключевые движущие силы, мотивировавшие колонистов, вполне могут быть описаны поговоркой «рыба ищет где глубже, а человек – где лучше». Другое дело, что в воображении сотрудников Переселенческого управления русские крестьяне-переселенцы должны были выступать в качестве культуртрегеров, нести свет цивилизации «одряхлевшему», «застывшему» и «отсталому» Востоку. И в этом смысле сформировавшееся представление о движущихся на восток и юг волнах крестьянства, сообразно с изменением границ самой Российской империи, оказалось весьма уместно. Ориенталистские стереотипы являлись нормативными для европейского/российского дискурса описания Каджарского Ирана (см. об этом подробнее: [Andreeva 2007]). Соответствующие клише характерны для травелогов, воспоминаний, публицистики и, неизбежно, в немалой степени – для ведомственной и дипломатической переписки. Здесь нет необходимости детально излагать их содержание, достаточно упомянуть, что чиновники ведомства постулировали, что в текущем состоянии – упадка и дряхлости – Иран и его население не могут в полной мере использовать богатства Прикаспийских провинций, наладить систему управления в регионе, обеспечить безопасность. Следовательно, этими и другими вопросами следует заняться России, что «легитимизировало» ее притязания, но и налагало ответственность за благополучие местного населения и развитие региона (см. подробнее: [Ларин 2021]). Например, Б. В. Бессонов, чье образно-поэтическое описание движения русских крестьян в Иран было представлено выше, писал и о том, что возможности использования Россией огромных нетронутых богатств Прикаспийских провинций напрямую связаны с поселенческой колонизацией: «Достигнуто же это может быть только путем заселения всего Каспийского побережья русскими, единственно которые способны, при данных условиях, обратить пустующие ныне земли в культурные, разведать и разработать совершенно неизвестные даже нам теперь ископаемые богатства горных хребтов... изменить сложившиеся условия персидской жизни, полные неурядиц и неопределенностей, и поднять общий уровень сельско-хозяйственной жизни туземного населения» [Бессонов 1915, с. 89].

И как итог: «Предотвратить падение культуры местного населения и содействовать общему здесь прогрессу, а также повлиять на изменение существующих условий и порядков в северной Персии, может... только русская ее колонизация» [там же, с. 90; ср: Сахаров 1915, с. 61].

Социально-экономические и этно-религиозные характеристики переселенцев

Итак, как в областях и губерниях Азиатской России, переселенцы должны были выступить в Северном Иране «агентами» цивилизаторской миссии. Но кто же эти колонисты, что должны были содействовать прогрессу и поднимать уровень сельскохозяйственной жизни местного туркменского и персидского населения? Были ли они сами носителями требуемых качеств для осуществления цивилизаторской миссии? В самом деле, чтобы служить примером, необходимо априори занимать более высокое положение, в данном случае – экономическое и культурное. Являть собой представителей состоятельного, зажиточного класса, обладающего лучшими навыками и большими возможностями, как экономическими, так и нематериальными, для эффективного ведения хозяйства. В общем и целом, превосходить местное население по данным критериям.

Между тем, уже выше, в свидетельстве К.В. Лаврова, было показано, что материальное состояние переселенцев было весьма неблагоприятным. Не скрываются подобные характеристики и в опубликованных текстах чиновников Переселенческого ведомства. Действительно, как могли эти «жалкие и разрозненные кучки пионеров освоения персидских земель русским народом» [Бессонов 1915, с. 87], «поголовно больные малярией» [Чиркин 1916, с. 21], из коих более половины семей «приехало в Персию или совсем без денег, или привезло с собой менее 100 руб.» [Сахаров 1915, с. 26], притом, что слухи о дешевизне и плодородии земель привлекли в регион «не мало лиц, не имеющих никакого отношения к земледелию» [там же, с. 24], выступать в качестве цивилизационного образца? Вероятно, чиновники не задавались (во всяком случае, публично) этим вопросом. Ответ же, по всей видимости, прост: текущее, пусть и не блестящее, положение – самый начальный этап процесса, стартовавшего лишь несколько лет назад. Значение имела перспектива, над обеспечением которой и следовало работать, хотя уже и в 1916 г. «пережившие трудный и тяжелый период... жизни на новых местах, русские переселенцы в северной Персии встают на ноги (разрядка в публикации. – А. Л.)» [Чиркин 1916, с. 21].

В самом деле, цитируемых авторов определенно нельзя заподозрить в слабом знании реального положения на местах. Отдельные из них (как А.М. Сахаров и Б.В. Бессонов) непосредственно организовывали переселенческое дело в регионе, а начальник Переселенческого управления Г.Ф. Чиркин весной

1916 г. совершил командировку в Прикаспийский край, где мог познакомиться с ситуацией. Кроме того, сама ведомственная переписка (и опубликованные материалы) демонстрируют прекрасное владение фактурой – тем более, что ее сбор в целях дальнейшего развития «русского дела в Персии» был одной из ключевых задач чиновников. Они разделяли взгляд фигурировавшего в вышеприведенных нарративах крестьянина, полагавшего, что главным было «только бы вот как-нибудь, уцепиться». Дальнейшее должны были сделать российская демография и политические усилия государства.

Демографические перспективы, по всей видимости, воспринимались как вполне благоприятные. Точное число переселенцев в 1914–1916 гг. назвать сложно. В связи с началом войны многие вернулись в Россию. В 1915 г. в Астрабадской провинции оставалось немногим более 1 тыс. переселенцев [Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. 1916, с. 307]. Эти данные на первый взгляд не впечатляют. Однако эти люди приехали сюда всего за несколько лет, в 1907–1914 гг. (причем подавляющее большинство переселилось сюда незадолго до начала войны), и, как это виделось чинам управления, колонизационный поток должен был возобновиться после войны. Значительная часть земель провинции была свободна от хозяйственной обработки, следовательно, вполне перспективна для заселения – около 1 млн десятин из общего числа более 2 млн десятин земель в провинции [Чиркин 1916, с. 6]. Демографический потенциал русского народа тогда не вызывал никаких сомнений, район рассматривался как место направления избытка населения.

Другой важный вопрос, встающий в связи со стремлением чиновников Переселенческого управления видеть в колонистах носителей цивилизаторской миссии, «агентов русского дела» в Иране, связан с необходимостью определить саму категорию «русский переселенец». Предстоящая в приведенных выше цитатах в качестве некой цельной дефиниции, включающей и набор имманентно присущих подпадающим под нее людям характеристик, в действительности, при более внимательном анализе, она также вызывает вопросы. Прежде всего, они касаются этно-религиозных характеристик колонистов. Контексты использования слова «русский» в поздней Российской империи могли быть многообразны. Это слово могло обозначать как гражданско-политическую принадлежность в целом (т. е. подданство), так и этническую принадлежность.

В соответствующих текстах часто можно наблюдать противоречие между нарисованной общей картиной, в которой действовали некие абстрактные «русские переселенцы», и гораздо более сложной реальностью. По сведениям А.М. Сахарова, основанным на обследовании 451 крестьянского хозяйства в провинции летом 1914 г., среди них состояли из великороссов – 292 (или 64,5%), малороссов – 120 (или 26,6%), немцев – 32 (или 7,1%), поляков, чувашей и армян – по 2 (или 0,44%), белорусов – 1 (или 0,22%) [Сахаров 1915, с. 25].

Малороссы¹ и белорусы, очевидно, вопросов не вызывали². Существенная проблема, однако, виделась в немцах, составлявших чуть более 7% хозяйств. Известно, что после начала войны в странах-участницах распространились шовинизм и ксенофобия. В России они были обращены на немцев, включая российских подданных (см. подробнее: [Лор 2012]). Не вдаваясь в детали относительно различных аспектов представлений о «германской угрозе» применительно к Ирану (см. подробнее: [Ларин 2024а]), укажем, что одним из наиболее существенных ее проявлений виделся рост числа переселенцев немецкого происхождения. Так, в сочинении ревизора Переселенческого управления В.П. Воицинина, посвященном ключевым задачам Российской империи в Северном Иране, серьезное внимание уделено активности Германской империи в регионе. По словам ревизора, для обеспечения там благоприятных условий особое внимание было обращено на *«русско-подданных немцев»* (здесь и ниже курсив в публикации. – А. Л.), переселившихся из России в Астрабадскую провинцию вместе с другими, действительно русскими и по вере, и по национальности, переселенцами» [Воицинин 1915, с. 21]. Туда начали приезжать агенты для поиска и приобретения земель для немцев, в германской прессе развернулась агитация с призывом переселяться в Иран. Итогом стало появление нескольких *«чисто немецких поселков, с официально, впрочем, русско-подданным населением...»* [там же, с. 22]. Он делал вывод о необходимости «в корне пресечь интенсивнейшую русскую колонизацией немецкие здесь вождедения» [там же]. Подобные опасения встречаются и в других текстах [например: Сахаров 1915, с. 23].

Итак, «русско-подданные» немцы больше не воспринимались в качестве лояльных подданных, призванных сыграть важную роль в колонизации нового окраинного региона, напротив, они виделись потенциальными агентами неприятеля. Существовали и опасения того, что этнические немцы окажутся успешнее «действительно русских» в деле переселенческой колонизации. А.М. Сахаров писал: «Являясь в край со сравнительно большими средствами, более активные и интеллигентные немецкие переселенцы всегда могут вырвать хороший участок у нашего безденежного темного мужика» [там же]. Эти соображения высказывались и в виде практических рекомендаций; так, производитель работ М. Думчус в своей записке «Вопросы колонизации в Северной Персии» отмечал: «В пределах Астрабадской провинции желательно внедрять

1. Отметим, что А.М. Сахаров делал оговорку: «Впрочем, в числе великороссов зарегистрировано немало обрусевших хохлов» [Сахаров 1915, с. 25].

2. Чиновники Переселенческого управления, используя слово «русские» в этническом смысле, имели в виду великороссов, малороссов и белорусов, что видно из «Отчета о работах» этого ведомства за 1915 г., где после аналогичной статистики имеется следующая фраза: «Не русские составляют, как мы видим, менее 1/10» [Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. 1916, с. 308].

исключительно переселенческий элемент и притом русский (немцы не желательны)» [Русское землевладение в Гюргено-Астрабадском районе, л. 101].

Особое значение имел и религиозный вопрос. В каком-то смысле он был более запутанным, поскольку конфессиональная принадлежность не совпадала с этнической, а идентичности накладывались друг на друга. Здесь, как и на многих других окраинах Российской империи, сектанты разного рода были в числе первопроходцев. И эта двойная идентичность, с одной стороны, как русских, т. е. тех, кто и фигурировал в качестве основы, ядра колонизации, а с другой – как сомнительных отступников от официального православия – также вызвала определенные противоречия в нарративах.

Г. Ф. Чиркин в рассказе о первых поселенцах сообщал, как двух крестьян из Закаспийской области, поселившихся к северу от устья реки Кара-су на берегу моря, поддержал российский консул А. М. Вольф в Астрабаде (ныне г. Горган) [Чиркин 1916, с. 20]. Это зачин сюжета о русских переселенцах, подчиняющихся некой «скрытой силе», зовущей их на чужбину. Но российский чиновник не упомянул, что эти первые поселенцы были молоканами [Сахаров 1915, с. 16]. Между тем отношение к русским сектантам было двойственным. Российские власти понимали и ценили их потенциал в деле освоения периферии страны, ее «обрусения», поскольку сама по себе «русскость» на далеких окраинах была значимее стремления к церковному единству [Ремнев, Суворова 2008, с. 165]. Но общее подозрительное, даже негативное отношение давало о себе знать. Как было показано в рассказе о первопоселенцах, об их вере решили умолчать. Б. В. Бессонов, также сообщивший эту историю, писал далее, что первый поселок Кара-су разделился: немолоканская часть населения, «не выдержавшая совместной жизни с этими сектантами крайне отрицательных качеств», отселилась [Бессонов 1915, с. 68] (также см.: [там же, с. 69–70]).

Хозяйства по конфессиям распределялись следующим образом: православные – 330 (или 73%), молокане – 53 (или 12%), адвентисты – 23 (или 5%), лютеране – 18 (или 4%), остальные (евангелисты, баптисты, католики, меннониты, армяно-григориане, старообрядцы, иудействующие) – в общей сложности 27 (или 6%) [Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. 1916, с. 308]. А. М. Сахаров подытоживал: «Несмотря на... вероисповедную пестроту, переселенцы в религиозном отношении распределились по поселкам довольно удачно. Порою гораздо острее сказывается национальный, чем религиозный антагонизм. Так, в Нимердане уже отмечены обострившиеся отношения между русскими и немцами, хотя и те и другие принадлежат к одной секте. Впрочем, среди молокан замечается усиленная неприязнь к православным; к счастью, в составе одного и того же поселка они не встречаются» [там же]. В целом же, судя по источникам, наличие в числе колонистов последователей неортодоксальных исповеданий не рассматривалось в качестве серьезной проблемы, во всяком случае по сравнению с «немецкой угрозой». Этнический фактор виделся более серьезным, нежели конфессиональный.

Заключение

В нарративах чиновников Переселенческого управления в отношении русских крестьян – колонистов Астрабадской провинции Ирана обнаруживается ряд характерных общих идей, касающихся объяснения мотивов переселения, значения данного феномена для Российской империи и ее будущего, а также для приграничных иранских земель, психоэмоциональных характеристик поселян. В этой обобщенной схеме, воспроизводимой с отдельными нюансами у разных авторов, легко заметить акцент на «стихийном», «инстинктивном», в каком-то смысле провиденциальном характере переселенчества, на некоей иррациональной силе, будто бы ведущей землепашцев в чужой край с другой верой. Подчеркиваются иные позитивные качества, например, активность и инициативность. Неизменно отмечается позитивная «цивилизаторская» роль, которую были призваны сыграть русские крестьяне на иранской земле, значение переселенчества для прогресса региона. При этом нельзя сказать, что конкретно-фактические детали их жизни, быта и материального положения, социально-демографические и этно-религиозные характеристики не были знакомы авторам соответствующих текстов. Напротив, они безусловно присутствуют и основаны на солидном собранном материале, позволявшем видеть и реальные мотивации колонистов (вполне прагматические), и гетерогенность самой категории «русский переселенец», включавшей в себя людей разного этнического происхождения и вероисповедания. Данные сложности, однако, не воспринимались как непреодолимые. Процесс трактовался как только набирающий силу, поскольку больше всего хозяйств возникло в 1914 г. [Сахаров 1915, с. 25], а значит, на первый план выходило не сложное материальное положение многих хозяйств, а богатые перспективы. Этническую разнородность (прежде всего наличие немцев), вероятно, рассчитывали преодолеть административными мерами, а религиозная не вызывала большой озабоченности. В то же время целостный дискурс русского переселения в Иран вполне вписывался в уже сложившийся общий дискурс колонизации окраин и поэтому позволял решать многие, в том числе внутрибюрократические, задачи.

Библиография

- Астрабад. Донесения консула в Астрабаде. 1911–1917 гг. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 144. Оп. 489. Д. 240.
- Бессонов Б.В. Русские переселенцы в Северной Персии. Петроград: Екатерининская типография, 1915. 90 с.
- Вощинин В.П. Современные задачи России на севере Персии. Петроград: Екатерининская типография, 1915. 26 с.
- Гинзбург А.И. Из истории возникновения русских поселений в Северном Иране // Из истории Средней Азии (дореволюционный период). Сборник статей. Ташкент: Наука, 1965. С. 30–36.

Канода Н.Н. Переселенческие поселки в Закаспийской области. (Конец XIX – начало XX в.). Ашхабад: Ылым, 1973. 89 с.

Ларин А.Б. «Германская угроза» и российское землевладение в прикаспийских провинциях Ирана в эпоху Первой мировой войны (постановка проблемы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2024а. Т. 6, № 1. С. 139–149.

Ларин А.Б. «Новая Апельсиния»: апология проникновения в Мазандаран и Астрабад в публикациях чинов российского переселенческого ведомства // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016274-0-1/> (дата обращения: 03.12.2025).

Ларин А.Б. Становление российского землевладения в прикаспийских провинциях Ирана: правовые аспекты и юридические сложности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024б. Т. 15, вып. 9 (143). URL: <https://history.jes.su/s207987840032618-8-1/> (дата обращения: 03.12.2025).

Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.

Мирзеханов В.С. XIX век в мировой истории (к выходу V тома «Всемирной истории») // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 3–19.

Никулин А.А. В Канцелярию Министерства иностранных дел в Петербурге. 13 мая 1914 г. // АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 495 б. Л. 76–76 об.

Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. (Отчет о работах Переселенческого управления за 1915 г.). Петроград: Типография М.П. Фроловой, 1916. 398 с.

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. 2008. № 11 (29). С. 132–179.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 6. Д. 307.

Русское землевладение в Гюргено-Астрабадском районе // АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 497 б.

Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии. Петроград: Типография «Содружество», 1915. 75 с.

Чиркин Г.Ф. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии. Петроград: Екатерининская типография, 1916. 48 с.

Andreeva E. Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism. Routledge Studies in Middle Eastern History. New York: Routledge, 2007. 289 p.

References

Andreeva E. Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism. Routledge Studies in Middle Eastern History. New York: Routledge, 2007. 289 p.

Astrabad. Doneseniya konsula v Astrabade. 1911–1917 gg. [Astrabad. Reports of the Consul in Astrabad. 1911–1917]. Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE)]. F. 144. Inv. 489. Case 240. (In Russ.)

Bessonov B.V. Russkie pereselentsy v Severnoi Persii [Russian settlers in Northern Persia]. Petrograd: Ekaterinskaya tipografiya, 1915. 90 p. (In Russ.)

Chirkin G.F. Otchetnaya zapiska o poezdke vesnoi 1916 g. v Astrabadskuyu i Mazanderanskuyu provintsii Severnoi Persii [An account of a trip in the spring of 1916 to the Astrabad and Mazanderan provinces of Northern Persia]. Petrograd: Ekaterinskaya tipografiya, 1916. 48 p. (In Russ.)

Ginzburg A.I. Iz istorii vozniknoveniya russkikh poselenii v Severnom Irane [On the history of Russian settlements in Northern Iran]. Iz istorii Srednei Azii (dorevolutsionnyi period). Sbornik statei. [From the history of Central Asia (pre-revolutionary period). Collection of articles]. Tashkent: Nauka, 1965. P. 30–36. (In Russ.)

Kanoda N.N. Pereselencheskie poselki v Zakaspiiskoi oblasti. (Konets XIX – nachalo XX v.) [Resettlement villages in the Transcaspiian region. (Late 19th – early 20th century)]. Ashkhabad: Ylym, 1973. 89 p. (In Russ.)

Larin A.B. «Germanskaya ugroza» i rossiiskoe zemlevladienie v prikaspiiskikh provintsiyakh Irana v epokhu Pervoi mirovoi voyny (postanovka problemy) [The “German threat” and Russian land ownership in the Caspian provinces of Iran during the era of the World War I (problem statement)]. Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki [Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences]. 2024a. Vol. 6, N 1. P. 139–149. (In Russ.)

Larin A.B. «Novaya Apel'siniya»: apologiya proniknoveniya v Mazandaran i Astrabad v publikatsiyakh chinov rossiiskogo pereselencheskogo vedomstva [“The New Orangeland”: Justification of the Penetration into Mazandaran and Astarabad in the Publications of the Russian Resettlement Department's Officials]. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya» [Electronic Scientific and Educational Journal “History”]. 2021. Vol. 12, Iss. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016274-0-1/> (date of access: 03.12.2025). (In Russ.)

Larin A.B. Stanovlenie rossiiskogo zemlevladieniya v prikaspiiskikh provintsiyakh Irana: pravovye aspekty i yuridicheskie slozhnosti [The formation of Russian land ownership in the Caspian provinces of Iran: Legal aspects and difficulties]. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya» [Electronic Scientific and Educational Journal “History”]. 2024b. Vol. 15, Iss. 9 (143). URL: <https://history.jes.su/s207987840032618-8-1/> (date of access: 03.12.2025). (In Russ.)

Lor E. Russkii natsionalizm i Rossiiskaya imperiya: kampaniya protiv «vrazheskikh poddannyykh» v gody Pervoi mirovoi voyny [Russian Nationalism and the Russian Empire: the campaign against “enemy subjects” during the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 304 p. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. XIX vek v mirovoi istorii (k vykhodu V toma «Vsemirnoi istorii») [The XIXth Century in World History (k vykhodu V toma “Vsemirnoi istorii”)]. Novaya i noveishaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2015. N 4. P. 3–19. (In Russ.)

Nikulin A.A. V Kantselyariyu Ministerstva inostrannykh del v Peterburge. 13 maya 1914 g. [To the Chancellery of the Ministry of Foreign Affairs in St. Petersburg. May 13, 1914]. AVPRI [AFPRE]. F. 144. Inv. 489. Case 495 b. (In Russ.)

Pereselenie i zemleustroistvo za Uralom v 1915 g. (Otchet o rabotakh Pereselencheskogo upravleniya za 1915 g.) [Resettlement and land development beyond the Urals in 1915 (Report on the work of the Resettlement Department for 1915)]. Petrograd: Tipografiya M.P. Frolovoi, 1916. 398 p. (In Russ.)

Remnev A.V., Suvorova N.G. «Obrusenie» aziatskikh okrain Rossiiskoi imperii: optimizm i pessimizm russkoi kolonizatsii [“Russification” of the Asian Outskirts of the Russian Empire: Optimism and Pessimism of Russian Colonization]. Istoricheskie zapiski [Historical Records]. 2008. N 11 (29). P. 132–179. (In Russ.)

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 391. Inv. 6. Case. 307. (In Russ.)

Russkoe zemlevladienie v Gyurgeno-Astrabadskom raione [Russian land ownership in the Gurgeno-Astarabad region]. AVPRI [AFPRE]. F. 144. Inv. 489. Case 497 b. (In Russ.)

Sakharov A.M. Russkaya kolonizatsiya Astrabadskoi provintsii v Persii [Russian colonization of the Astarabad province in Persia]. Petrograd: Tipografiya «Sodruzhestvo», 1915. 75 p. (In Russ.)

Voshchinin V.P. Sovremennye zadachi Rossii na severe Persii [Russia's current aims in the North of Persia]. Petrograd: Ekaterininskaya tipografiya, 1915. 26 p. (In Russ.)